

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ
ТАДЕУША БРАДЕЦКОГО
В НОМИНАЦИИ
«ЛУЧШАЯ ИСТОРИКО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
КНИГА ГОДА»

КЛЭР
ПОЛЛАРД
ВЕРСАЛЬСКИЕ
феи

18+

ПРЕКРАСНАЯ ПРИНЦЕССА И ЗЛОБНАЯ КОРОЛЕВА —
ОДНА И ТА ЖЕ ЖЕНЩИНА В РАЗНЫЕ
МОМЕНТЫ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Клэр Поллард

Версальские феи

Серия «Новая готика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74040422

*Версальские феи: Иностранка, Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-33252-2*

Аннотация

Франция времен правления «короля-солнце» Людовика XIV.

Вдали от интриг, травли и разврата Версаля, в уютном парижском салоне собираются светские дамы и... рассказывают старые сказки, оживляя их подробностями из собственной жизни. Так рождается прославленный жанр, который хозяйка салона Мари д'Онуа назовет «волшебными сказками». У Мари непростая судьба: в юном возрасте ее выдали замуж за жестокого старика, после страшного скандала посадили в тюрьму... Но потом удивительным образом разрешили вернуться и открыть в самом сердце столицы литературный салон. Захаживает к Мари на огонек и знаменитый Шарль Перро. Влияние этого чудака при дворе утрачено, любимая жена умерла, и ему остается лишь рассказывать сказки непоседливым слушательницам... Правда, свободная атмосфера салона не по душе властям (а может, и самому королю?), и туда засылают шпиона...

Содержание

Персонажи	7
Сказка об Ослиной Шкуре. Часть первая	10
Сказка о хорошей девочке	22
Сказка об Ослиной Шкуре. Часть вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Клэр Поллард Версальские феи

Clare Pollard

THE MODERN FAIRIES

Copyright © Clare Pollard, 2024.

First published in the UK in 2024 by Fig Tree,
an imprint of Penguin Books Ltd.

All rights reserved.

© О. В. Полей, перевод, 2025

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

* * *

 НОВАЯ ГОТИКА

КЛЭР ПОЛЛАРД

ВЕРСАЛЬСКИЕ

феи

Издательство «Иностранка»
Москва

Моему мужу

Истории, которые сложат об этом дворе, когда нас не станет, окажутся лучшие и интереснее любого романа, и я боюсь, что те, кто придет после, не веря им, будут думать, что это просто сказки.

Герцогиня Орлеанская

Персонажи

Во времена правления Людовика XIV (1643–1715) многие люди носили одинаковые имена, поэтому те имена, которые я использую постоянно, приведены здесь.

Мадам Мари-Катрин д’Онуа

Жюдит, ее мать

Николя, ее отец

Барон д’Онуа, ее муж (живет отдельно)

Шарль Бонафан, ее любовник (покойный)

Жюдит, дочь

Тереза, дочь

Франсуаза, дочь

Белль-Белль, мартышка

Мими, кормилица

Анна, кухарка

Берта, горничная

В салоне

Шарль Перро

Мари Перро, его жена (покойная)

Шарль, сын

Пьер, сын

Мадам Мари-Жанна Леритье де Виллодон, она же
Телесилла, кузина Перро
Мадам Анриетта-Жюли де Мюра
Граф де Мюра, ее муж
Мадам Анжелика Тике
Клод, ее муж
Мура, ее камердинер
Мадам Мяу, ее кошка
Шарль Бриу
Шарлотта-Роза Комон де Ла Форс, фрейлина дофины
Мария-Анна де Бурбон, она же принцесса де Конти, законная дочь Людовика и Атенаис
Аббат Шарль Котен
Шарль де Сент-Эвремон

При дворе

Король Людовик XIV
Мадам де Монтеспан, она же Атенаис, официальная любовница короля
Мадам де Ментенон, новая любовница короля
Жан-Батист Кольбер, контролер общих финансов
Мария Анна Кристина Виктория Баварская, она же дофина
Фагон, врач
Ла Вуазен, гадалка

Габриэль Николая де Ла Рейни, начальник полиции

Сказка об Ослиной Шкуре. Часть первая

– Жил да был один всемогущий король. Некоторые даже говорили, что это был самый могущественный государь из всех живших когда-то на земле. Говорили еще – и, конечно, так оно и было, – что он умел быть справедливым в мирное время и наводить на всех ужас во время войны. Подданные были им премного довольны, зато враги трепетали от страха. И была у этого короля – ну конечно же – самая прекрасная и очаровательная жена, какую только можно себе вообразить, а их маленькая дочка была самой прелестной куколкой на свете. Словом, жилось им так хорошо, что лучше и не надо.

Так начал Шарль Перро свою сказку об Ослиной Шкуре. Следом за ним начнем и мы нашу историю.

Небольшая аудитория Перро, собравшаяся в салоне мадам д’Онуа, сидит нетерпеливо подавшись вперед – так всем хочется услышать, какая же неизбежная катастрофа разразится над этой безупречной семьей. Ибо энергия, которая лежит в основе любой сказки, – это энергия разрушения, стремления сжечь дотла то, что есть, ради того, что может произойти. На дворе поздняя осень, конец семнадцатого века, время правления Людовика XIV. Все эти люди собрались в прекрасно обставленной комнате на улице Сен-Бенуа в Па-

риже, уютной и в то же время роскошной, отделанной тяжелой вышитой парчой кораллового цвета. Пламя свечей пляшет у самых дамских подолов.

Шарль Перро уже ранее был представлен многим из этого великосветского интеллектуального кружка, который регулярно собирается здесь, чтобы рассказывать истории, дошедшие до нас под названием «Сказки Матушки Гусыни», хотя некоторые знают их как сказки аиста или даже сказки Ослиной Шкуры. Или, быть может, вам они известны под более современным названием – волшебные сказки? Ну так этот термин придумал для них не кто иной, как мадам д’Онуа, и она же ввела их в моду.

Обычно Шарль без труда запоминает имена, но теперь, еще раз осмотревшись, понимает, что некоторые из них уже выскользнули из памяти. Вот его кузина, Мари-Жанна Леритье де Виллодон, – дама пылкая, однако при этом не чуждая некоторого ханжества. К ней он чувствует невольное расположение, хотя и с некоторой опаской поглядывает на ее ничем не примечательное лицо, слишком уж явно светящееся благими намерениями. Кузина-то и стала причиной, побудившей его войти в этот круг: ему почудилось, будто она и есть та единственная, кто способен развеять его тоску. Она попросила, чтобы Шарль называл ее Телесиллой: теперь стало модно иметь салонное имя, и она взяла себе такое – в честь греческой поэтессы, водившей когда-то женщин в бой. Шарль находит его забавным, однако из вежливости стара-

ется запомнить.

Оглядывая собравшихся, видит он среди них и одну из незаконнорожденных дочерей короля, принцессу де Конти, – она всегда сидит чуть развалясь, с легкой небрежностью богатой дамы, так что кажется, будто ноги у нее под юбками раздвинуты. Белокурая, с чистой кожей и твердо очерченным подбородком, она всегда ходит без парика, пудры и румян на лице. Привлекательна, но похожа скорее на молодого принца-щеголя, чем на принцессу. Лихо курит трубку.

Сразу узнает Шарль и богатую наследницу, мадам Анжелику Тике, – та восседает не в самой пристойной позе в мягком кресле слева. На ней розовое платье пастушки, найденное тут же, в салоне, в коробке с маскарадными костюмами (в нем она только что представляла сцену из другой сказки), и она все еще держит свой посох как скипетр. Анжелика Тике – женщина из тех, что выпирают из любого платья, невзирая на возраст. В уголках ее великолепного рта с гнилым передним зубом блестят кристаллики сахара. У нее есть белая кошка в украшенном драгоценными камнями ошейнике, которую она часто носит под мышкой.

Здесь же один из редких мужчин, допущенных в кружок, – аббат Котен, посредственный священнослужитель и писака, известный своими тяжеловесными сонетами. Рядом с ним сидит острая на язычок мадам Анриетта де Мюра, и ноздри ее тонкого носа так и раздуваются от одного присутствия аббата. Дальше хорошенькая, пухленькая Шарлотта-Роза Ко-

мон... де Ла что-то там... ах да, де Ла Форс – одетая по последней моде – фрейлина при дворе, насколько он помнит. Но остальные? Какие-то мелкие аристократы. Кто, например, тот высокий молодой человек с длинными ресницами?

Густой горячий шоколад подается в очень красивых фарфоровых чашках, покрытых бледно-зеленой глазурью. Дамы старательно проводят языком по зубам и верхней губе после каждого глотка, чтобы не осталось пятен.

Перро в этом салоне впервые и намерен очаровать его – он старается не только ради себя, но и ради кухни. История Ослиной Шкуры – *Reau d'Âne* – всегда восхищала его, еще с тех пор, как няня рассказывала ему эту сказку при свете тлеющих угольков очага. По мнению Шарля, уж он-то, один из сорока уважаемых членов Французской академии, совета по французскому языку, известного как *les immortels*¹, от известного девиза академии – «*À l'immortalité*» («К бессмертию»), знает, чем покорить небольшую образованную аудиторию вроде этой. История должна быть короткой и искриться, как бокал шампанского, который вы осушите раньше, чем заметите, что он у вас в руке.

Те, чьи восхищенные взгляды сейчас устремлены на Шарля, видят перед собой мужчину лет пятидесяти, в каштановом парике, придающем ему сходство с красивым спаниелем. О нем часто говорят, что весь Перро – это его лицо: открытое, с ясными глазами, искрящимися непроизвольной

---

¹ Бессмертные (*фр.*).

веселостью. Он из тех людей, наделенных неотразимым обаянием, кто обладает великим даром находить что-то интересное в ком угодно, от дофина до кухарки. Если вам случится привлечь его внимание на несколько ярких мгновений, это обычно означает, что за это время он успеет вам понравиться, – эффект, который он сам внутренне скромно признает.

– Только вообразите себе их роскошный дворец! – продолжает он. – Вельможи со всего мира съезжаются туда подивиться на картины Рубенса и Леонардо, статуи Бернини, роскошный зеркальный зал...

Это вызывает новые смешки: слушатели понимают, что Перро описывает не что иное, как Зеркальную галерею в великолепном дворце Людовика XIV в Версале, одно из чудес западного мира, – зал, который сам же Перро и обставил более чем тремя сотнями огромных зеркал. Это, пожалуй, самая известная комната во всей Франции, настоящая пещера Аладдина, полная всевозможных красот, любующихся на собственные бесконечные отражения в самом лестном освещении. Но одновременно Перро хочет также намекнуть и на то, что всем здесь наверняка известно: сам он после смерти Кольбера, верного друга, впал в немилость у Людовика XIV. Ему не хочется, чтобы кто-то чувствовал себя обязанным ходить вокруг него на цыпочках, когда речь заходит о Версале. В конце концов, у него есть пенсия, и он гордится тем, чего успел достичь. Нет ничего постыдного в том, чтобы

расстаться с прошлым и жить дальше.

Перро старается не терять взгляд мадам д'Онуа: рассчитывает порадовать своим рассказом именно хозяйку салона в первую очередь. Он был весьма впечатлен ее недавним романом, произведшим в свете фурор: «История Ипполита, графа Дугласа» – и теперь хочет поближе узнать автора, хотя в ее взгляде есть что-то холодное и скользкое. На мгновение, пытаюсь, и не без труда, нащупать какую-то опору, Перро представляет себе хрустальную башню и себя в виде странствующего рыцаря. Чувство для него не самое привычное. Он старается задать игривый тон, однако понимает, что столь легкомысленные разговоры о королях и дворцах для него внове и несколько обескураживают. Может, для того здесь и рассказывают истории о принцессах и феях? Чтобы под видом детских сказок протащить мимо цензоров мятежные идеи?

Однако любой устный рассказ – это своего рода импровизация, требующая определенной дерзости, и интуиция подсказывает Шарлю, что надо развивать сюжет дальше.

– Королевские конюшни могли похвалиться лошадьми всех мастей, – продолжает Перро. – Но что изумляло всех, кто входил в эти конюшни, хотя они едва ли осмеливались говорить об этом, – то, что самое почетное место там занимал безобразный осел с огромными ушами, заслуживший такую честь тем, что каждое утро из-под хвоста у него вместо навоза сыпались золотые монеты.

Смех. Такой смех вызвать ничего не стоит, Перро это понимает. В глазах кузины Телесиллы мелькает странная смесь противоположных чувств – Шарлю кажется, что она подавляет в себе скрытую неприязнь к подобному юмору, однако при этом отдает должное способности кузена очаровывать публику.

– Но вот Господь, который хранит нас от беспечности, чередуя добро со злом, послал королеве болезнь. Она бледнела и худела, в глазах у нее появился нездоровый блеск. Ни ученые врачи, ни шарлатаны ничего не могли поделать с ее лихорадкой. Наконец, с последним вздохом, королева сказала мужу: «Обещай мне, что женишься снова, только если найдешь женщину умнее и красивее меня». В своем тщеславии она была убеждена, что найти такую женщину будет невозможно и это предсмертное желание не позволит ее мужу вступить в новый брак. Мы должны признать, что умерла королева весьма довольной собой, не подозревая об ужасных последствиях своего поступка. «Конечно, любовь моя, все будет, как ты захочешь», – всхлипнул король, и она умерла у него на руках.

(В этот момент Шарль сглатывает слюну. Он не будет думать об этом сейчас, на публике. Не будет.)

– Несколько месяцев король был безутешен, но затем, поддавшись на уговоры придворных, что ему необходим наследник, решил жениться снова. Дело это было, однако же, нелегкое: он ведь намеревался сдержать свое обещание, а кто

же мог сравниться с его королевой по уму и красоте? Только его дочь, которая с каждым днем все больше очаровывала его своей тонкой грацией и небесно-голубыми глазами. Только его дочь...

Эта мысль крутилась и крутилась у него в голове, и от нее все сжималось внутри. Она начала овладевать им. Только его дочь... Это была его жена в миниатюре, жена, которая вернулась к нему. Вот он, ответ. Только женившись на собственной дочери, он мог исполнить обет, данный умирающей жене! И вот однажды, когда принцесса играла у его ног, он сделал ей предложение. Она рассмеялась, как будто это была игра, но потом поняла, что он не играет.

– Не пугай меня, отец.

– Этого хотела твоя мать. Это ее предсмертное желание.

– Пожалуйста, не говори мне таких странных слов, – ответила принцесса и задрожала, словно над ней нависла тень.

Чрезвычайно встревоженная таким поворотом событий, она разыскала свою фею-крестную, которая жила в гроте из... – Перро окидывает взглядом комнату, богатые ткани кораллового цвета, мерцающие канделябры, и импровизирует: – Из кораллов и жемчуга.

Публика, в основном женская, одобрительно кивает, и светлые парики подпрыгивают в унисон, будто стая голубей, которой бросили горсть семян. Все, кажется, согласны, что грот из кораллов и жемчуга – то самое место, где могут обитать феи-крестные. Слышится хлопанье, стук чашки, опус-

каемой на блюде, ровное потрескивание огня. Камин излучает слишком много жара, поэтому лицо Перро золотисто поблескивает от пота, хотя, конечно, причиной тому отчасти и волнение. Часто, выступая на публике, он для успокоения нервов представляет, будто слушатели сидят перед ним голыми, но сейчас, когда здесь столько женщин, чувствует, что от этого его бросит в пот еще сильнее. Он снова открывает рот.

– «Я знаю, зачем ты здесь, – сказала фея-крестная. – У тебя тяжело на сердце. Но у нас, крестных, есть свои хитрости. Поверь, с тобой не случится ничего дурного, если только ты послушаешь моего совета. Скажи отцу, что сначала у тебя должно быть платье, в точности повторяющее цвет неба. Это будет невозможно сделать». И вот юная принцесса, вся дрожа, пришла к отцу. Но едва он услышал ее просьбу, как тут же позвал лучших портных и приказал им сшить платье цвета неба – сейчас же, или он их всех повесит. И на следующий день принцесса получила свое платье. Это было самое настоящее голубое небо – переменчивое, сияющее.

Тогда крестная дала новый совет: «Попроси у него платье, в точности повторяющее цвет луны. Вот это уж действительно невозможно!» Но, как вы понимаете, нет почти ничего невозможного, когда ты самый могущественный правитель, какого когда-либо знал мир. Король позвал вышивальщиц, пригрозил им, и через четыре дня платье цвета лунного света было готово, – когда оно висело в темном шкафу, то даже

излучало призрачный свет.

«Хорошо, – сказала крестная, в этот раз с несколько более озабоченным видом. – Давай попробуем еще раз – платье, сияющее, как солнце! Что они могут с ним сделать – поджечь?» На этот раз король позвал ювелира и повелел соткать полотно из золота и драгоценных камней, предупредив, что, если он не выполнит приказа, ему отрубят голову. Через неделю ювелир принес готовое платье: его свет так слепил глаза, что на сетчатке каждого, кто его видел, оставались маленькие плавающие точки.

Вот то, что нравится Перро в этой сказке, – ее узор. Ритм. Формы, которые принимают вещи. Он вообще любит все красивое и изысканное: фрески, гиацинты, часовщиков, марципаны, крылья бабочек, золотую посуду, фонтаны, хорошую обувь, соловьиное пение... Он эстет. Несмотря на все его разочарование в версальском дворе, он старается гордиться тем, что помог там создать, – цивилизацией.

Публика внимательно слушает – Шарль сумел покорить ее, – и он продолжает свой рассказ:

– Принцесса знала, что должна поблагодарить короля, но слова застряли у нее в горле. И вновь крестная мать шепнула ей на ухо совет: «Знаю! Попроси у него плащ из шкуры того самого осла из королевской конюшни. Он любит этого осла. Либо я очень сильно ошибаюсь, либо он не убьет его ни за что на свете».

Это была самая лучшая идея из всех, но крестная не пони-

мала, что желание короля лечь в постель с собственной дочерью затмило для него сейчас все прочие соображения. Его снедало неутоленное желание – чувство, которого он, благодаря своему положению, никогда раньше не испытывал. Почти без промедления он выкрикнул приказ. Через несколько минут перед принцессой положили еще теплую шкуру королевского осла: окровавленную, с дурацкими ушами, торчащими зубами и полными слез глазами. «Довольно, дитя, – сказал король. – Завтра мы поженимся».

Теперь и принцесса, и ее крестная испугались по-настоящему. Крестная решила, что единственный выход для девушки – бежать, переодевшись в ослиную шкуру. Она сложила в сундук одежду принцессы, пудру, зеркальце и украшения и дала ей волшебную палочку, велев коснуться ею земли, когда захочет, чтобы сундук появился перед ней. Но дальше уж девушке предстояло справляться самой. И вот в то утро, когда должна была состояться ее свадьба с отцом, принцесса пропала.

Как только Перро произносит это, он вдруг чувствует холодок. И понимает, что не в силах поднять глаза на мадам д'Онуа: он ведь знает (и надо же было ему, глупцу, выбрать именно эту сказку для своего дебюта!), что эта история отчасти о ней. Теперь он вспоминает, как шушукались в залах Версаля, когда она вновь появилась в городе несколько лет назад и открыла салон.

Ходили слухи, что отец мадам д'Онуа выдал ее замуж за

барона д'Онуа еще совсем девочкой – из финансовых соображений. Барон, конечно, не был настоящим бароном, а просто пьяницей-развратником, купившим дворянский титул. А потом, после многолетних слухов о том, что он дурно обращается со своей молодой женой и подвергает ее всевозможным унижениям (и после того, как она, бедняжка, потеряла двух из трех своих детей), он был заключен в Бастилию за измену, поскольку во всеуслышанье выразил недовольство королевской налоговой системой.

Но затем – такой вот неожиданный сюжетный поворот – барона освободили. По слухам, на него возвели напраслину и он сумел в конце концов доказать свою невиновность. Все это было заговором мадам д'Онуа, ее матери и двух мужчин (очевидно, их любовников), чтобы упрятать барона в тюрьму по ложному обвинению! Двое мужчин были обезглавлены, а сама мадам д'Онуа заключена в башне вместе с новорожденным третьим ребенком, но сумела выбраться через окно.

Уж не бежала ли и мадам д'Онуа, переодевшись в ослиную шкуру? И тот же вопрос, над которым ломали головы при дворе, разумеется, всплывает сейчас в уме Перро: как же так вышло, что теперь, через столько лет, ей позволено сидеть здесь, в Париже, в самом сердце этого салона?

Сказка о хорошей девочке

Вы должны меня простить: это была большая ошибка – не начать этот рассказ с самого начала, то есть прямо с рождения. Сказки рассказывают нам о людях и характерах – об их развитии, обстоятельствах, о сложной сети взаимоотношений, об их поступках и следствиях этих поступков, о том, как им улыбалась или не улыбалась удача, – и истинное начало для любого персонажа – рождение, как его истинный конец – смерть. О, если вы предпочитаете встретиться со смертью попозже, мы можем не заканчивать ею сказку, но должны же, по крайней мере, признать, как взрослые люди, что такой конец – тоже своего рода поворотный момент. А эта сказка, должна вас предупредить, предназначена именно для взрослых.

Итак, начнем с самого рождения. В эти времена роды зачастую протекают трудно, и многие женщины умирают. Некоторые из них слишком юны: их выдали замуж лет двенадцати-тринадцати; некоторым уже под пятьдесят, и они вынашивают больного четырнадцатого ребенка; некоторым просто не повезло. Часто они умирают от кровотечения – жизнь изливается из них, собираясь лужицей, пока крови не останется так мало, что она уже не может заставить сердце биться, – или от инфекции, или от рук врачей, которые и знают-то всего ничего, но платят им хорошо, в основном за

то, чтобы они успокаивали других мужчин, заверяя, что ничего больше сделать было нельзя, – а это делает появление в вашем доме фигур в черных мантиях весьма опасным.

Но вот мадам д’Онуа, которая родилась, конечно, никакой не мадам (не абсурдно ли звучат титулы применительно к таким крошечным, почти незрячим, непрерывно испражняющимся созданиям, как человеческие детеныши?), а всего лишь маленькой Мари-Катрин, мало-помалу выползает из материнской утробы на кровать в Нормандии в 1652 году. Ее темно-синяя головка покрыта слизью, алые лепестки один за другим падают на простыни из разорванной промежности, тошнотворные вопли матери заглушают и звон колоколов средневековой церкви, и шум бурной реки, и шелест дрожащих на ветру яблонь.

Мари – первый ребенок Николя и Жюдит, и роды были долгими и тяжелыми: молодое тело матери еще не размягчилось от времени. Для Жюдит, женщины честолюбивой, любящей политику, флирт, иностранные языки и оперу, это худший день в ее жизни – несправедливое наказание, которое на долгие месяцы сделает ее капризной и угрюмой, – однако дело, к счастью, обошлось без осложнений, и врачи не ходят в дом со своими грязными инструментами и банками с пиявками. Николя объявляют, что у него родилась девочка, и он бьет ногой по умывальнику, проклиная судьбу, как водится.

Жюдит вовсе не намерена кормить дочь грудью – в самой

этой идее ей видится что-то до отвращения животное, коровье, – поэтому, как принято в те времена, ребенка тут же передают на руки кормилице, Мими (ее собственный сын, на счастье четы д’Онуа, родился мертвым). Мари слепо тянется к сморщенному, розово-коричневому соску, чтобы выжать из него жемчужину сладкого человеческого молока. «Хорошая девочка, – ласково воркует Мими. Нежные воспоминания теснятся у нее в голове, набухают влагой в груди и в глазах. Мими кажется настоящим платоническим идеалом кормилицы: неторопливая, тяжеловесная, мягкая. – Ах! Какая хорошая девочка!»

Мари растет, оставаясь все такой же хорошей девочкой. Например, она знает, что от отца нужно держаться подальше, когда он выпьет красного вина: оно распаляет в нем вечную жалость к себе (помимо прочих его многочисленных бед, он никудышный игрок на бильярде и страдает от тяжелых приступов подагры: в его суставах скапливаются крошечные кристаллики), и тогда в дочери ему вдруг видится маленькое, звонкое, как колокольчик, *memento mori*, скелет в детском платьице, который пришел, чтобы подвести его за руку к пропасти. Мари знает, когда нужно ласково погладить плачущую мать по спине и сказать: «Ну будет, будет», а еще никогда не приставать к ней с игрушками и не утомлять ее вопросами – поскольку Жюдит убеждена, что для умной женщины нет ничего более скучного, чем ее собственный ребенок.

Мими, кормилица, оказывается спасением для малышки. Теплая, от природы наделенная даром материнства, она то щекочет котенку животик, позволяя ему покусывать ей костяшки пальцев, то оттирает слюной пятнышки на щеках Мари, то подолгу возится с ее прической. Порой ее объятия вызывают у Мари что-то вроде клаустрофобии, но это лучше, чем нервная отстраненность матери. Мими называет Мари «*ma puce*» – «моя блошка», «*mon coso*» – «мое яичко», или «*ma petite crotte*» – «моя маленькая какашка».

Вечером у очага, расчесывая Мари локоны, Мими рассказывает ей народные сказки: например, про Мальчика-с-пальчика – нежного, тихого мальчугана, от рождения крошечного, не выше большого пальца, которого все считали дуррачком. Рассказывает о страшном голоде, когда отец и мать Мальчика-с-пальчика решили, что не могут смотреть, как их дети будут умирать от голода, а потому оставили их в лесу. О том, как Мальчик-с-пальчик в первый раз оставил за собой след из камешков и нашел по ним дорогу обратно, а потом, когда родители снова хотели его бросить, рассыпал хлебные крошки, которые склевывали птицы. «В лесу, – строгим шепотом рассказывает Мими, – кишмя кишат волки и людоеды, а уж они-то сразу учуют запах детского мяса!» Тут она делает вид, что кусает пальчики на ногах Мари, и обе хихикают. Это уютное чувство.

Только Мими ведь девочке не родная – за объятия ей платят звонкой монетой. И вот однажды Николая решает изба-

виться от Мими, а Мари отправить в монастырскую школу. Услышав эту чудовищную новость, Мари у себя в комнате на чердаке сжимается в плотный дрожащий комочек, словно орех в скорлупке, и ждет, когда свирепые взрослые голоса перестанут кричать внизу. Мими взбешена, и изо рта у нее льется, как из ночного горшка. «Так вот моя награда за все, что я сделала для вас? Чем моя семья теперь кормиться будет, жопа ты самовлюбленная, плакса спесивая?» Мими даже не приходит поцеловать Мари на прощание.

Монастырь – обычное средство воспитания девочек в то время, а также еще один урок для Мари, что ее истинный долг в этой жизни – быть хорошей девочкой. Она не должна скучать ни по дому, ни по Мими, ни по своей кошке. Не должна тосковать. Не должна ждать, что кто-то снова погладит ее по голове или пощекочет ей пятки. Вместо этого – французский, латынь и математика да еще обязанность выметать золу в грубом платье. Мари часами выстаивает на коленях в холодной часовне, снова и снова стараясь вымолить прощение за то, что родилась такой испорченной до мозга костей. В какой-то степени она, в свои юные годы, сама в это верит и даже замечает, что получает некое удовольствие от самоистязания: холодного душа, скудной еды, обвинения себя в самых отвратительных грехах, сведения своих потребностей почти к нулю – до тех пор, пока не почувствует себя чистой и легкой. Она обнаруживает в себе талант самоконтроля. Даже строгая сестра Рут иногда говорит: «Ты, по

крайней мере, хорошая девочка, Мари», – и это делает ее счастливой. Вскоре она приобретает репутацию необычайно тихой и послушной и лишь изредка поражает других девочек вспышками внезапной мудрости или остроты, проявлениями пронизательного ума, который обычно тщательно скрывает даже от себя самой.

Иногда по ночам девочки рассказывают друг другу сказки Матушки Гусыни. Мари убеждена, что это запрещено, хотя такой запрет никогда не проговаривался явно; но слишком уж эти сказки грубые, языческие, слишком острое наслаждение их слушать, – не может быть, чтобы это было богоугодно! Некоторые сказки Мари помнит по рассказам Мими, но девочки пересказывают их плохо, пропуская важные сюжетные повороты. И все-таки она любит их слушать, упиваясь тайным сладким знанием, что сама могла бы рассказать лучше, и в темноте рассказывает снова и снова у себя в голове, украшая все новыми деталями, купаясь во всех этих несчастьях, драгоценностях и поцелуях, а потом чувствует себя чудовищем – эти истории словно распирают ее изнутри, и она молит Бога, от которого не укроется даже самая крохотная мысль, промелькнувшая в ее головке, об отпущении грехов.

Скоро – на удивление скоро – приходит ее тринадцатый день рождения, хотя в монастыре такое не празднуют. После молитвы она бежит из одного здания в другое под дождем, и тут чья-то рука ложится ей на плечо. Это отец – озабоченный, нервный, с парика его, раздувшегося, как жаба, капает

вода. Отец молча протягивает Мари розу, сорванную в монастырском саду, с лепестками теплого белого оттенка, слегка побуревшими по краям, и это один из самых невероятных моментов в ее жизни – влажный шепот, тяжелый запах, лицо отца, настолько неуместное здесь, что Мари не сразу вспоминает его имя. Отец. Mon père.

– Я вспомнил, – настойчиво говорит он. – Уже пора. Ты должна ехать со мной.

Но... Пора – для чего? Мари-Катрин чувствует, как ее подхватывает не то река, не то сюжет сказки, не то воля Божья и тянет за собой. Она старается не думать ни о чем, а кучер уже начинает собирать ее вещи – очевидно, им предстоит отправиться в путь немедленно.

– А мама знает, что ты меня увозишь?

– Мы с ней обо всем договорились.

– А сестры?

– Скоро узнают.

– А куда ты меня везешь?

– Скоро увидишь. В одно чудное местечко.

– Праздновать мой день рождения? – спрашивает она с надеждой.

– Нет... Не только.

Уже сидя в карете, она все еще держит в руке розу – осторожно, чтобы не зацепить шипами платье, утыкается в нее носом, закрывает глаза и пытается раствориться в сладком аромате. Единственный крошечный добрый жест отца. Но

дождь стучит по крыше, и мокрые, раскисшие дороги становятся все темнее и ухабистее. Деревья изгибаются, будто человеческие руки. Лошадиные копыта стучат в унисон с учащенно бьющимся сердцем. Кажется, что они выстукивают: «Бойся, бойся, бойся!»

Наступает вечер. Отец, у которого всегда был тихий, вкрадчивый голос, целый час молчит, будто понимает, что этим поступком разрывает что-то между ними. Он сидит, сгорбившись от стыда, бок о бок со своей странно искривленной тенью, закрыв лицо руками, словно человек, который проиграл большие деньги, сделав одну-единственную ставку.

– Так будет лучше, – говорит он наконец, когда они подъезжают к сверкающему огнями зданию. Глаза у него пугающе влажные. – Монастырь – это не настоящая жизнь, сама понимаешь. А деньги есть деньги, так что... Это был тяжелый год даже для знати, твоей матери пришлось расстаться с некоторыми из своих драгоценностей. Нельзя упускать такую возможность. Выше нос, цветочек.

– Но сестра Рут? Что она подумает, когда увидит, что меня нет? – спрашивает Мари. Мысль, что она может прогнать сестру Рут, приводит ее в ужас. Мысль о том, что она плохая девочка в этой сказке.

– Да не все ли равно?

– Она сочтет меня вероотступницей!

– Не глупи, дитя. Один Бог нам судья.

Когда они подъезжают к дому герцога Вандома, отец в последний раз быстро целует ее в волосы и вдыхает их запах, словно нюхает бутон, а затем ведет ее по широким мраморным ступеням, через позолоченный порог, через длинный коридор в большой шумный зал – сотни свечей, музыка, громкие пьяные голоса, – где и представляет будущему мужу.

Барон д'Онуа не так давно купил свой титул у друга-герцога. Во время редких отлучек герцога он здесь как дома – словно в некотором роде его правая рука и заправляет в эти дни всеми делами. Первое, что видит Мари, когда поднимает на него глаза, – его зубы, длинные, желтые, все в слюне, торчащие из седой бороды.

– А, так это ты будешь моей маленькой женушкой, – говорит барон д'Онуа мягким, чувственным голосом, кладя карты на стол. – Добро пожаловать!

Он раскидывает руки, словно показывая товар лицом, так что в центре оказывается область паха. Он огромного роста, крепко сбитый, жесты у него широкие, как у какого-нибудь барона из пьесы. Постепенно Мари начинает различать и другие черты: волосы, посыпанные рисовой пудрой, тонкий нос, морщины у глаз, похожие на птичьи лапки, мушки, скрывающие следы оспы по всей коже.

– Милая Мари-Катрин. Mon roussin². Приятно познакомиться, можешь называть меня Франсуа.

---

² Моя цыпочка (фр.).

Схватив ее за руку, он проводит по ней влажными зубами, словно пробуя кожу на вкус. Смеющиеся придворные. Сто тысяч языков пламени. Ее тоненькие пальчики в его лапше...

И потом они живут долго и счастливо.

По крайней мере, так сказали бы те, чьи интересы – политические и финансовые – обеспечиваются юными девушками, выгодно пристроенными замуж, а о том, что будет дальше, они предпочитают не задумываться. Собственно, и сама Мари потом с трудом припоминает следующие несколько лет своей жизни, детали которой она загоняет так глубоко внутрь, что почти начинает казаться, будто ничего этого никогда и не было. Только иногда, когда она видит ярко-красные ягоды на снегу или девушку с губами, похожими на кровавое пятно, и кожей бледной, как простыня, на нее накатывает странное головокружение, будто она стоит на самом краю земли и вот-вот сорвется в пропасть.

Спустя годы она будет стараться не вспоминать толстый, плотоядный пенис барона. Его влажный рот, хрипло выдавливающий ей в волосы: «Теперь ты моя», когда барон насиловал ее. Чувство, будто ей разбивают что-то внутри, и осколки битого стекла впиваются в самые чувствительные места.

Или первые месячные, это проклятие, которого она даже не понимает, просто сидит в изящном позолоченном кресле с кремовой обивкой и, холодея от стыда и ужаса, видит, как по юбке расплзается красное пятно. Видит ухмылку барона,

когда он наконец замечает это. То, как он облизывает губы и говорит: «О, вкусненькое», а его кузены смеются.

Она не хочет думать о красной кровати, где она молила о пощаде, терзаемая чудовищной пыткой, как какая-нибудь изменница. О ребенке, который наконец, слава богу, вытолкнулся из нее и завопил. О ее маленьком ягненочке. Или о том, как нашла его мертвым в кроватке – словно куклу, из компании которых она выросла. Ледяного на ощупь, серого, как несвежий снег. Как она выла и колотилась головой о стену, будто хотела ее пробить.

Беляночка и Розочка, Беляночка и Розочка...

Но есть сказки. Мари начинает понимать, что мир утратил чувствительность, усыпленный сказками. Все ходят на заплетающихся ногах, пьяные от этих сказок, не желая видеть правду. Сказки о том, что браки заключаются на небесах. Что кровотечение из промежности делает тебя женщиной. Что муж не может изнасиловать жену. Что свадьба – это и есть счастливый конец. Сказки о том, что барон лучше, чем слуга. О том, что умирающего младенца призывает к себе небесный Создатель. О том, что хорошие девочки получают награду. Сказки, сквозь которые истинный облик мира проступает смутно, словно через витражи.

Ну что ж, она тоже может рассказывать сказки. Пусть ее, Мари, никто не любит, зато она умная и смелая – она напишет свою сказку, где будет главной героиней, а все нестерпимое просто вычеркнет. В долгие, пустые дни, пока барон

пьянствует с друзьями, она ищет убежища в книгах: много читает из библиотек герцога, занимается самообразованием. И каждый день пишет письма родителям о своей прекрасной новой жизни мадам д'Онуа – пробует свой новый, отшлифованный литературный голос, – но они почти никогда не отвечают, и Мари начинает заполнять эти часы сочинением сказок. Сказок Матушки Гусыни. Перо – настоящая волшебная палочка: стоит только нажать, и появится дверь.

Вот она, эта книга, которую она начала писать вскоре после замужества. На первой странице выведено очень аккуратным почерком:

«Мари-Катрин Ле Жюмель де Барневиль-Лабертран, дама д'Онуа, написала это в возрасте четырнадцати лет и восьми месяцев. Тот, кому попадет в руки эта книга, пусть знает, что она моя. Прощай, читатель, – если ты открыл эту книгу, а я тебя не знаю, желаю тебе стригущего лишая, чесотки, лихорадки, чумы, кори и сломанной шеи. Спаси тебя Господь от моего проклятия».

Боже мой, ну и зубки же она показывает, когда берется за перо! А ниже – коротенькая сказка. Мари назвала ее «Хорошая девочка»:

«Когда хорошая девочка услышала, как отец с матерью шепчутся: “Мы не можем смотреть, как она умирает от голода”, она набрала в карманы белых камешков. В тот же день родители отвели ее в лесную

чащу, а пока она шла, камешки сыпались из карманов. Оставшись одна в темноте, без дороги, хорошая девочка выждала немножко для приличия, а потом пришла по камешкам обратно домой. Они светились, указывая тропинку к дому, где было нечего есть и где она была никому не нужна».

Сказка об Ослиной Шкуре. Часть вторая

– Принцесса между тем... – говорит Шарль Перро, теперь уже торопливо: ему хочется покончить с этим, он чувствует, как после упоминания о побеге Ослиной Шкуры в комнате воцарилось мрачное молчание, и пытается понять, не глядя на мадам д’Онуа, ошетибилась ли она, сидит ли со слезами на глазах или хмурится. Догадаться об этом нелегко, однако Шарль видит, что принцесса де Конти выжидательно приподняла светлую бровь, поднося к губам трубку и глубоко затягиваясь. – Принцесса странствовала много дней и ночей подряд, пока не почувствовала, что умирает от голода и ноги у нее все в крови. Наконец она пришла на какую-то ферму в чужом королевстве – там искали какую-нибудь убогую, которая согласилась бы мыть посуду и чистить свиной хлев.

По воскресеньям Ослиная Шкура получала час отдыха и уходила к себе в комнату, чтобы помыться. Потом стучала палочкой об пол, открывала сундук и примеряла перед зеркалом какое-нибудь из своих бесподобных платьев. Хотя платья и напоминали ей об отце, все же изредка ей выпадало мгновение счастья или, вернее, гордости, когда она видела себя снова юной, – отчего же нет? Ей нужно было это украденное мгновение. И так уж случилось, что принц, воз-

вращаясь с охоты, часто останавливался на той ферме. Однажды, заблудившись во дворе, он оказался у двери крошечной комнатухи Ослиной Шкуры и совершенно случайно заглянул к замочную скважину.

Высокий молодой человек хихикает – будто вода журчит в декоративном фонтанчике. Мадам Анжелика Тике, дама, коллекционирующая хорошеньких мальчиков и, возможно, включившая в коллекцию и этого, ласково улыбается, а затем осушает чашку с горячим шоколадом. Напряженность в комнате спадает.

– Было воскресенье, – продолжает Перро, подпуская в голос огонька, – и Ослиная Шкура как раз надевала платье, расшитое драгоценностями, – то, что сверкало ярко, как солнце. Принц едва не упал в обморок от ее красоты. Трижды он поднимал руку, чтобы постучать в дверь, но что-то останавливало его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.